

РАЗРУШЕННАЯ ДЛЯ ДРАКОНА

18+

«Я СТАЛА ЕДИНСТВЕННЫМ СВИДЕТЕЛЕМ
УБИЙСТВА ВО ВРЕМЯ БАЛА...»

КРИСТИНА ЮРАШ

18+

Кристина Юраш
Разрушенная для дракона
Серия «Темные желания
(однотомники)», книга 3

*<https://litres.ru/73016737>
SelfPub; 2025*

Аннотация

Жирная свинья! Ты сколько успела сожрать, пока я отвернулся?! Ты себя в зеркале видела?! Вся жиром заплыла! А потом удивляешься, почему у меня на тебя не стоит!

Это все, что я привыкла слышать дома. Мой муж пытается вылепить из меня точную копию своей покойной первой жены. И жестоко наказывает за лишний сантиметр на талии. И на этот раз раздробил мне руку каблуком моей туфли, заставив спрятать ее под перчатку. И это просто за то, что я посмела съесть закуску на балу!

Я думала мой муж - монстр. Пока не увидела, как таинственный убийца одним прикосновением остановил сердце министра. Прямо посреди бала.

Я не думала, что меня когда-нибудь похитят пока не очутилась в его спальне, привязанная шёлковыми лентами.

И я никогда не думала, что буду хотеть того, кто держит мою жизнь в своих пальцах

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	38
Глава 11	41
Глава 12	45
Глава 13	48
Глава 14	51
Глава 15	54
Глава 16	57
Глава 17	60
Глава 18. Принц	63
Глава 19. Принц	66
Глава 20. Принц	69
Глава 21. Принц	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Кристина Юраш

Разрушенная для дракона

Пролог

– Жирная свинья! Ты сколько успела сожрать, пока я от-вернулся?! Ты себя в зеркале видела?! Вся жиром заплыла! А потом удивляешься, почему у меня на тебя член не стоит! Клади руку на стол. Клади-клади... Клади-и-и... Не бойся!

Магия прижала мою дрожащую от ожидания наказания руку к столу.

Плоть мгновенно стала чужой. Я ощутила, как пальцы прирастают к дубовой столешнице, как кровь в них замирает, как мышцы предают меня, отказываясь даже дрожать.

Это тело больше не моё. Оно – его позор. Его разочарование. Его неудавшийся портрет его первой жены, Вайлиры.

Я закрыла глаза и прошептала про себя, зная, что сейчас последует, и содрогаясь от ужаса: «Это не моя рука. Это не моя боль. Это не я».

Пустая мантра. Но в ней – последняя ниточка, за которую цепляется разум, чтобы не распасться.

Острый каблук моей туфли со стальной набойкой попал не по столешнице, а с размаху по моему пальцу.

– А-а-а! – закричала я, закрывая себе рот рукой.

Ослепительная вспышка тошнотворной боли разорвала мое сознание. Перед глазами все потемнело.

Рука оставалась прижатой к столу, как жертва, уже подготовленная к жертвоприношению.

– Мало! – с раздражением произнес муж, продолжая бить по столу и моей руке каблуком туфельки.

Белый атлас, серебряная стальная набойка, изящный изгиб – всё, что осталось от женщины, умершей с талией в шестьдесят четыре сантиметра и дыханием, похожим на шест крыльев.

– Ай! – взвыла я, когда каблук раздробил мой палец.

Перед глазами всё потемнело, как будто душа попыталась сбежать, но боль удержала её за волосы в дрожащем и стонущем от боли теле.

– Не надо, – умоляющим голосом прошептала я, чувствуя, как от ужаса и боли у меня заплетается язык. – Хватит... Пожалуйста... Я всё поняла... Я больше не буду так...

Я осела на ковёр, зажимая рукой рот и давясь криками, рыданиями, понимая, что магия держит мою дрожащую руку на столе, как жертву перед палачом.

– Нет, Талисса. Ты ничего не поняла. В прошлый раз ты говорила то же самое, и что я вижу сегодня? – послышался разочарованный голос мужа и удары по столу.

А!

Вспышки боли разрезали сознание.

– Твоя талия должна быть шестьдесят четыре сантиметра!

А у тебя – шестьдесят девять!

Он говорил это так, словно это катастрофа.

Я давилась криком, прикрывая рот, беззвучно рыдала, заикалась от боли в дрожащую ладонь.

Пытка закончилась.

Он устал.

Магия отпустила меня, отдавая мне мою раздробленную руку.

Я стащила руку со стола, как кусок мяса с разделочной доски. Она и напоминала кусок мяса.

Пальцы были раздроблены. Теперь они ещё распухали от боли. Кожа – в синяках и царапинах. Кровь стекала по запястью, капала на ковёр – тёмная, почти чёрная в свете ламп.

– А теперь вытирай кровь! Обувайся и надевай перчатки! Гости ждут! Мы не должны надолго бросать гостей. Это неприлично.

Муж бросил на пол платок и туфельку.

Меня трясло. Я пыталась встать, но ноги не держали. Здоровой рукой я осторожно промокнула кровь, боясь даже дышать на раны. Каждое прикосновение платка – как заново сломанная кость.

Я сглатывала, морщилась от боли, осторожно пытаюсь промокнуть кровь дрожащей рукой. Мне даже притрагиваться было больно. Я дрожала и судорожно хватала воздух ртом, жмурилась, невольно дёргая плечами, когда касалась платком искалеченной руки.

– Ты вся от жира заплыла! А я-то думаю, почему сегодня горничная говорила, что платье на тебе едва застегнулось!
– давясь от ярости произнёс муж, расхаживая по кабинету.
– Горничная тебя сегодня измеряла! Шестьдесят девять! Давай, жри! Жри ещё! Нажирайся! Давай, чтобы семьдесят было!

Я смогла встать на дрожащие ноги и сунуть ногу в туфлю. Которая была мне мала на один размер. Это даже не моя туфелька. Это её... И мне приходилось подгибать пальцы, чтобы поместиться в неё.

Я постоянно натирала ногу, едва заметно прихрамывала, но уже научилась не подавать виду.

Опираясь на стол здоровой рукой, я повернулась в сторону мужа.

– Ты готова? – резко бросил он. – Гости ждут! Улыбайся, любовь моя. Спина ровно, улыбка на лице! От тебя большего не требуется!

Глава 1

– Минутку, – простонала я, пытаюсь отойти от боли.

– Минутку ей! – передразнил муж, скрестив руки на груди. – Я тебя что ли жрать заставлял? Сама виновата. Нечего ныть!

Он с обожанием смотрел на портрет красавицы в белоснежном платье среди нежных цветов. Ее хрупкая, болезненная красота напоминала красоту феи.

– Вот это – женщина, – прошептал Сирил Уитмор, благоговейно касаясь рамы. Голос его стал мягким, почти молитвенным. – Она была совершенством.

А потом повернулся ко мне – и в его глазах уже не было человека. Только разочарование.

– А ты – жирная тварь.

Я с ненавистью смотрела на портрет его первой покойной жены Вайлиры с равнодушно-отрешенным взглядом сказочной феи. Здоровье ее было неважным. Именно поэтому она прожила всего год в законном браке. А потом за ней навсегда закрылась дверь фамильного склепа.

Я уже не кричала. Крик – это протест. А я давно перестала верить, что протест имеет смысл. Мой крик умер где-то между первым «ты толстеешь» и сотым «посмотри на неё».

Вайлира...

Она смотрит с портрета, как ангел, который двадцать ше-

стого октября семь лет назад забыл, что такое голод. Её талия навсегда осталась шестьдесят четыре сантиметра. Её кости – изящнее фарфора. Но она мертва. А я... Я дышу. Я ем. И это – мое самое страшное преступление.

– Ты сегодня уже завтракала! С тебя хватит! – выплюнул муж.

Я вспомнила дольку огурца и вареный капустный листик с крошечным кусочком мяса, который поместился бы на чайную ложку. Вечный голод мучил меня, а я не могла думать ни о чем, кроме еды. «Нет, мэм! Хозяин запретил вас кормить! Простите, мэм, но я не хочу лишиться работы! У меня семья! Дети!» – слышала я вздох кухарки.

– Ты ведь больше так не будешь? – послышался голос Сирила. Он подошел ко мне.

Я смотрела на свое отражение в зеркале и видела призрака в платье Вайлиры.

Причёска – её. Бледность – её. Даже угол изгиба губ – подстроен под её портрет. Но глаза... Глаза – мои. И в них – не покорность.

Там пламя. Тихое. Глубокое. Невидимое для него.

Потому что он смотрит только на поверхность.

А под ней я коплю.

Каждую каплю боли.

Каждое «посмотри на неё».

Каждый голодный день.

Каждую ночь, когда он шепчет её имя в подушку, как мо-

литву.

– Пообещай, – произнес Сирил, глядя мне в глаза и глядя меня по голове. – Что это больше не повторится. Не расстраивай меня, Талли. Ты же знаешь, как я расстраиваюсь, когда ты поправляешься! Ты должна быть идеальной. Понимаешь?

Я смотрела на него, стиснув зубы. Каждый день меня стирали, чтобы нарисовать новую Вайлиру.

– И как только ты станешь идеальной, у нас все будет хорошо. Ты не представляешь, как мы будем счастливы, – улыбнулся Сирил, целуя меня в лоб.

Отпечаток его губ, оставшийся у меня на лбу, напоминал ожог.

– Вот увидишь... Обещаешь, что больше так не станешь делать? – произнес он спокойным и заботливым голосом, расправляя мое платье.

– Обещаю, – едва слышно выдохнула я, глядя на свое платье. Точно такое же, как на портрете Вайлиры.

А вместе с этим выдохом из меня вырвались усталость, боль и отчаяние.

Будь я в нашем мире – я бы ушла. Вызвала полицию. Сбежала бы, в конце концов. Но здесь... Здесь идти некуда. И на работу меня не возьмут. Но я не там, где меня защищает закон. Здесь закону плевать на меня. Мой муж и есть мой закон.

Я – не Таллиса. Я всего лишь чужая душа в теле его супруги. Душа из другого мира. Однажды я очнулась в теле

незнакомой женщины, в роскошном платье, в совершенно незнакомой обстановке.

Последним воспоминанием того мира был паспортный стол, телефон в руках, серебристая иномарка, водитель Виталик. «Там дорогу ремонтируют. Мы поедem в объезд!» Он только что шутил, ругал дороги, рассказывал о том, что его дочь в этом году пошла в школу – дорого! А потом лес, проселочная дорога, поворот, заблокированные двери, вырванный из моих рук телефон, брошенный на задние сидение и рука, которая лезет мне под юбку.

Я очнулась здесь.

В роскоши.

В платье.

С мужчиной, который целовал мои руки и плакал, умоляя: «Очнись, Таллиса... Прости меня...»

Сначала это было похоже на сказку. Розы огромными букетами, украшения, внимание. Сирил трясся надо мной ровно до тех пор, пока не выяснил, что я ничего не помню. Не помню, что было тем вечером. И что я никуда не собираюсь уходить.

И тут сказка закончилась. Так, словно посреди фильма выключили свет.

Уже из разговоров слуг я узнала, что в ту ночь Таллиса пыталась сбежать. Но ее поймали. И вернули обратно, мужу. Узнав о побеге, Сирил пришел в такую ярость, что даже слуги затаились, боясь дышать.

С тех пор он не бьёт по лицу. Не бьёт до смерти. Он бьёт точно и только по рукам.

Потому что это – не убийство.

Это воспитание.

Я попыталась выдавить из себя тень улыбки. Голос Сирила изменился. Он снова стал спокойным и ласковым.

– Вот и молодец. Ты же понимаешь, что это не я злодей. Понимаешь? Ты сама виновата... Ты сама спровоцировала... Ты знаешь, как я к этому отношусь, и все равно стала есть закуски со стола и портить свою без того ужасную фигуру! Ничего, ты еще похудеешь, – муж заботливым жестом вытер слезы с моего лица. – Ну все, не плачь... Вытри слезы. Улыбайся! Мы возвращаемся к гостям!

Мы вышли из комнаты, а я чувствовала, как меня тошнит. Тошнит от боли, от унижения, тошнит от вечного голода, который теперь мой постоянный спутник, от закуски, которую успела съесть, надеясь, что муж не заметит.

Я вспомнила, как полчаса назад воспользовалась моментом, когда муж увлекся разговором с министром Роумонтом. Ноги сами понесли меня к столу. Я каждый раз нервно оглядывалась, радуясь, что меня заслоняют танцующие пары.

Запах еды ударил в нос, как удар в живот.

Жареная дичь. Медовые пироги. Сливочное масло на хлебе с чем-то похожим на икру.

Слюна хлынула во рту – целое озеро отчаяния.

Я протянула руку. Осторожно. Сердце колотилось так,

что, казалось, выпрыгнет прямо на стол, если я не удержу его
внутри.

Глава 2

Первая закуска. Вторая. Я ела жадно, быстро и почти не чувствовала вкуса.

Только страх. Только голод. Только мысль: пусть лучше раздробит руку снова, чем я умру от этого пустого желудка.

Я едва не взвизгнула, когда один удар по рукам выбил из моих рук тарелку с закусками, и она упала на пол. Гости этого не заметили. Они были увлечены мелодией.

Сирил схватил меня за руку и потащил в свой кабинет.

– Простите, моей супруге нездоровится, – улыбнулся он министру Роумонту, с которым только что разговаривал.

Министр Роумонт, один из самых влиятельных людей в королевстве, напыщенный престарелый индюк в роскошной одежде с пышными волосами, кивнул и тут же отвлекся на разговор с сэром Лорджером. Хитрый делец тут же воспользовался моментом и взял министра в оборот.

Сирил скрипнул зубами от досады. Этот бал был организован ради этого министра. Ради разговора с ним. Ради того, чтобы Сирил занял место в королевском совете.

Я чувствовала, как мои руки дрожали, когда муж вытаскивал меня из зала.

Мимо нас прошмыгнул лакей с бокалами.

– Стоять! – приказал муж лакею. Тот замер. – Скажи, чтобы музыканты играли погромче!

Лакей кивнул.

От этих слов меня бросило в дрожь.

Я упёрлась в ковёр, цепляясь за него ногами, как за последнюю опору.

Но силы были не равны, и Сирил затолкнул меня в кабинет, захлопнул дверь. За дверью остался красивый и нежный вальс. Передо мной – ярость и раздражение мужа.

И сейчас, после того, что случилось, я снова должна вернуться в зал и вести себя так, словно ни в чем не бывало. Улыбаться и разговаривать, смеяться над шутками и подставлять для приветственных и вежливых поцелуев здоровую руку.

– Завтра ты не завтракаешь! – строго произнес муж, остановившись перед залом. – Ты сегодня уже поела! Я пре-
прежу слуг.

Я снова вышла в зал, чувствуя, как мои ноги все еще дрожат. Под пышным платьем это было незаметно.

– Вам уже лучше, мадам? – поинтересовался министр Румонт.

Я не нашла силы ответить, поэтому кивнула.

– Простите, она слаба здоровьем, – Сирил посмотрел на меня, поглаживая мою здоровую руку.

Его прикосновение было нежным. Любящим. Вот только внутри меня всё сжалось в узел из шипов.

Я чувствовала, как под перчаткой пульсирует раздробленная плоть. Каждый нерв кричал. Словно каблук всё ещё вре-

зался в кости, раз за разом. Перчатка, тугая, белоснежная, будто сшита из снега и стыда, давила на опухшие суставы, и с каждым ударом сердца боль растекалась всё дальше – в локоть, в плечо, в горло, где застревал ком из слёз и ярости.

– Ах, если супруга слаба здоровьем, это, конечно, беда, – заметил министр. – Моя супруга, я имею в виду первую, тоже была слаба здоровьем, однако прожила в браке почти двадцать лет. Правда, детей она мне так и не подарила...

«Слаба здоровьем». Эти слова – как зеркало. В них я вижу Вайлиру. Её тонкие запястья, прозрачную кожу, дыхание, похожее на шелест крыльев мотылька.

И меня – её живую тень.

– Я вас понимаю, – сочувственно произнес Сирил.

Он понимает. Он всегда понимал. Только не меня. Меня он стирает. Слоёк за слоём. Как старую краску с портрета, чтобы нарисовать новую Вайлиру.

– Я вот смотрю на вашу супругу и понимаю. Она как две капли воды похожа на вашу прежнюю покойную супругу. У меня даже чувство такое, словно это она! – усмехнулся министр Роумонт. – Я знал ее. Она приходилась мне троюродной племянницей.

Губы Сирила растянулись в улыбке.

– И ведь главное, лицо один в один, – заметил министр, делая глоток из бокала. – Скажите, как вам удалось найти почти ее копию?

Глава 3

– Ах, у меня было разбито сердце. Я очень сильно переживал по поводу смерти Вайлиры. И однажды увидел ее. Она спускалась по ступеням и садилась в карету. Я тогда решил, что это просто совпадение. И уточнил, как ее зовут... Талисса Эмри. Потом я увидел ее еще раз, уже в доме ее родителей. И тогда...

“Тогда он купил ее, – кричало всё внутри. – Как статую. Как куклу. Как попытку вернуть прошлое, не спрашивая, хочу ли я быть частью этого”.

Сирил сглотнул. На его лице – нервная улыбка человека, который делится самым сокровенным.

А я стояла здесь. В теле, которое не моё. В платье, которое не моё. В жизни, вырезанной по шаблону мертвой женщины.

Я же чувствовала только пульсирующую боль в руке. Казалось, пальцы настолько опухли, что перчатка теперь давит. Я с трудом преодолевала это чувство, стараясь держать лицо.

– Тогда я решил, что судьба... дает мне второй шанс, – опустив глаза и полушепотом произнес Сирил. Он взял мою здоровую руку и с жаром поднес ее к губам. – Второй шанс познать счастье... Что это – знак свыше... И на этот раз я решил, что свое счастье я не отпущу... Да, дорогая?

Я кивнула.

Одно движение. Меньше, чем вздох.

А внутри всё горело. Не от боли – от унижения, что моё «да» стоит столько же, сколько «нет». Ничего.

– Ох! – рассмеялся министр. – Бывают же чудеса!

Чудеса... Да. Чудо – когда тебя бьют каблуком за кусок хлеба. Когда тебе во сне снится, как ты отгрызаешь кусок от батона и стонешь от наслаждения. Чудо – когда ты не ела два дня и всё ещё стоишь на ногах. Чудо – когда твой муж целует здоровую руку, а ты прячешь ту, которую он только что ломал, и при этом он рассказывает направо и налево, как любит тебя.

Я вообще не знаю, как у меня хватает сил шевелиться.

Может, потому что я – не та, кого он видит.

Я – та, кто копит. Каждый удар. Каждое «посмотри на неё». Каждое «ты жирная свинья». И однажды... однажды я вырвусь из этого платья, как зверь из клетки. И я живу с мыслью, что однажды настанет этот день. И я смогу.

А пока – я улыбаюсь.

Так, как учила меня боль.

– Вы говорили, что недавно освободелся пост в министерстве... Один из министров, кажется, Бэрроу, скончался от сердечного приступа.

– О да, – сокрушенно произнес министр Роумонт. – Бедняга. А ведь он был моложе меня! И вот поди ж ты! Но в этом есть и положительный момент! Я пошел на повышение...

– Мой отец когда-то мечтал, что я стану министром, – улыбнулся Сирил.

– Ну, это можно устроить, – заметил Роумонт. – Правда, придется утверждать вашу кандидатуру. А это, разумеется, не самый быстрый и... дешевый процесс.

Он отвел глаза, словно давая возможность почувствовать намеки.

– Знаете, я могу немного помочь, – тут же понизил голос до шепота Роумонт. – Но при одном условии. Вы будете поддерживать все мои инициативы. Если я сказал: «Да!», значит «да». Если «нет», то «нет!». Тем более, что его величество сейчас... очень болен и легко подписывает документы... Он никого не узнает. Изредка наступает что-то вроде просветления... Но потом опять... Так что доктора говорят, надежды мало. Пользуйтесь моментом, молодой человек.

– А как же его высочество? – спросил Сирил. – Как же принц?

Глава 4

– О, он еще не король. И, если повезет, он им так никогда и не станет, – усмехнулся Роумонт. – Скоро народ будет им очень недоволен. И вы, как новый министр, мне в этом поможете. Вы слышали новость? Во дворце найдено несколько убитых молодых женщин.

О, боже мой... У меня прямо мурашки пробежали по коже. Неужели принц на такое способен?

– А чему вы удивляетесь? – продолжал министр Роумонт, усмехаясь. – Его высочество всегда проявлял садистские наклонности... Дракон как-никак! Так вот, народ об этом еще, разумеется, не знает. Но скоро узнает. С вашей помощью, как министра, мы должны остановить это чудовище... И не дать ему дорваться до власти!

Я сглотнула. Это звучало очень страшно. Министр Роумонт усмехнулся и сделал глоток.

– К тому же, варварские порядки драконов дурно влияют на общественность! – прокашлялся министр. – Подумать только. Его матерью была какая-то простая магичка... Его величество ее просто... украл. Вы себе можете это представить? Я не могу!

Жуть какая. Я повела плечами, словно мне стало вдруг зябко.

– Старый дракон уже не представляет угрозы. С момента

смерти его... так называемой... “истинной”, – произнес министр, придвигаясь ближе и переходя на полусшепот. – Вы только представьте себе, теперь похищение у нас называется словом “истинность”. Это слово дает им право похищать тех, кто им понравился! Вы не находите это... отвратительным!

Какой ужас! Как хорошо, что я далека от всего этого! Как хорошо, что меня так редко берут во дворец. Я даже не знала, что принц у нас садист и маньяк! Хотя, разве может удивляться женщина, которую добропорядочный муж наказал за лишний кусок еды?

“Ха! Ты что думаешь, что как в сказке принц вдруг увидит тебя среди сотни гостей и решит убить именно тебя? – насмеялась я над собой. – Я знаю как минимум десяток девушек, которые намного красивей меня. И привлекают куда больше внимания! А ты так, серая мышка. Тебе бояться нечего”.

– Я с вами полностью согласен, – кивнул Сирил, опустив глаза в свой бокал. – Я готов вместе с вами сражаться против драконов!

– Мой друг, это прозвучало по-рыцарски! – рассмеялся министр. – Мы действуем тоньше...

Они разговаривали, а я чувствовала, как боль становится все сильнее. Она пульсировала в перчатке, а я с трудом удерживала на лице глупую и вежливую улыбку.

Часы стали бить полночь. И на последнем ударе случилось нечто странное...

Музыка стихла, словно кто-то ножом перерезал струну.

В зале вдруг стало так тихо, словно... словно все гости исчезли.

Но они были на месте. Просто застыли, будто кто-то остановил время.

Дама в розовом, что стояла неподалеку... Её лицо только что было гладким, юным. А теперь – покрыто прыщами, шрамами, шелушащейся кожей.

Министр стоял напротив с открытым ртом, словно замер на середине фразы. Его волосы – не пышные, как минуту назад, а редкие, жалкие. На макушке – лысина, блестящая, как яйцо. А сам он выглядел лет на десять старше.

Женщина в синем кокетничала с кавалером. И я отчетливо видела красные пятна на ее длинной шее.

Красавица у фонтана, танцующая с мужчиной, теперь предстала передо мной с чёрными, гниющими зубами в широкой улыбке.

Всё, что было ослепительно красивым, вдруг по непонятной мне причине стало выглядеть ужасно. Словно с последним ударом часов исчезла вся магия в зале.

Гости сейчас выглядели совершенно не так, как раньше.

Я взглянула на застывшего мужа, который сейчас напоминал статую. Он словно пытался моргнуть, но застыл с полуприкрытыми веками.

Что это такое? Как такое возможно? Это... это что за магия?

И тут я увидела, как по залу идет тень.

Глава 5

Высокая тень почти бесшумно и плавно двигалась по залу. И двигалась в нашу сторону. В черном капюшоне, в таинственной черной маске, закрывающей лицо полностью. Я застыла не то от изумления, не то от ужаса, видя, как тень приблизилась к министру Роумонту.

Огромная рука в черной перчатке коснулась груди министра. Что он делает? Зачем?

Короткая вспышка зеленоватой магии была такой внезапной, похожей на выстрел за кадром, что заставила меня дернуться на месте.

– Сдохни, – послышался тихий шепот незнакомца в маске.

Лицо министра не изменилось, но вены на его лице внезапно почернели. Глаза Роумонта вдруг округлились и покраснели, словно в них лопнули все сосуды. Из его рта вырвался сгусток тьмы.

Я невольно дернулась, в ужасе глядя на то, что творится с телом министра.

Мое платье предательски прощурило, и тень резко подняла на меня глаза. Зеленые глаза внимательно смотрели на меня с холодным удивлением.

«Он только что что-то сделал с министром... Явно нехорошее!» – пронеслась в голове мысль, и мне вдруг стало страшно.

Я увидела плавное движение головы в сторону, словно он был удивлен не меньше моего.

Я задрожала. Быстро-быстро задышала, а потом опомнилась, понимая, что притворяться застывшей уже поздно.

Рука в черной перчатке потянулась ко мне, а я увидела ту самую вспышку на пальцах, которая только что вошла в тело министра.

– Не надо... Прошу вас, – задыхаясь от ужаса, прошептала я, чувствуя, что это смерть.

Что стоит ему коснуться меня, как мои вены так же почернеют, а глаза полезут из орбит.

– Я... клянусь... Я никому ничего не скажу...

Я попыталась вырваться, но безмолвный, застывший муж держал меня за руку, и сейчас его рука казалась каменной. Я дышала так быстро, так судорожно, что даже не успевала понять, что дышу.

– Обещаю... Я ничего не видела... Клянусь... – сбивчиво шептала я, видя, как к моей груди приближается зеленая, искрящаяся смерть. – Не надо... Умоляю...

У меня пересохло во рту, когда заклинание опасно приблизилось к моей груди. Чем ближе были его пальцы, тем судорожней я хватала воздух ртом, не зная, что делать. Я не могла убежать. Не могла оттолкнуть его руку. Даже если я оттолкну, что толку?

Дыхание стало глубже.

Каждый вдох, как судорожный рывок.

Как попытка втянуть в себя еще секунду жизни.

Смертоносная магия потрескивала совсем близко. Я крепко зажмурилась, готовясь к вспышке боли, но ничего не произошло...

Секунда...

Другая...

Я осмелилась открыть глаза.

Глава 6

Магия остановилась в сантиметре от моей груди. Я разучилась дышать, медленно опустив глаза вниз и немного, насколько позволило тело, отстранилась от черной перчатки.

Мне казалось, что если я сделаю слишком глубокий вдох, он тут же сделает со мной то, что сделал с министром. “Господи!”, – простонало что-то внутри. Я нервно сглотнула. Колени вдруг стали ватными. Казалось, ноги меня теперь совсем не держат. Я каким-то чудом стою на ногах.

– Прошу вас... – едва слышно прошептала я, глядя на его руку. – Не убивайте... Я буду молчать... Клянусь вам... Я готова поклясться всем, чем угодно... Только не убивайте...

Тень стояла передо мной. Черная, огромная, заслоняющая собою все. Сейчас она была всем миром для меня. И я не знала, что будет дальше, ведь руку он не убрал. Просто остановил.

Я боялась шевельнуться, слыша потрескивание магии совсем близко к моему перепуганному сердцу.

Самым страшным было то, что он молчал. Молчал так долго, что я начала молиться – не о спасении, а о том, чтобы он просто заговорил. Мне казалось, что если таинственный убийца подаст голос, то у меня появится шанс договориться. Что он меня услышит. И... пощадит.

Магия в черной перчатке погасла. Я едва не выдохнула с

облегчением.

“Это хороший знак! – пронеслось в голове среди вороха испуганных мыслей. – Наверное!”

По спине пробежали мурашки облегчения. Только сейчас я поняла, насколько было напряжено мое тело эти бесконечные, страшные секунды.

Рука в черной перчатке поднялась выше и остановилась возле моего лица.

Его пальцы в перчатке скользнули к моему подбородку. Я застыла, боясь даже пошевелить головой. Только нервно сглотнула, чувствуя неожиданное прикосновение.

Под маской – ни звука. Только дыхание.

“Он еще думает, стоит ли мне оставить жизнь или нет?”, – пронеслось в голове.

Я замерла, боясь, что любое мое движение может заставить убийцу передумать. “Позади меня, прошу тебя!”, – словно мантру беззвучно шептала я, словно мои слова могли как-то повлиять на его мысли.

Рука властно подняла мою голову, заставляя посмотреть в его глаза.

Красивые зеленые глаза смотрели на меня холодным взглядом. Его палец погладил меня по шее. Вверх, вниз. А я замерла, словно пытаюсь осознать, что он это сделал той же самой рукой, которая только что не дрогнув лишила жизни человека.

По телу пробежали мурашки. В животе что-то вспорхну-

ло. Как бабочки. И только сейчас до меня дошло, что я застряла где-то между страхом, паникой, осознанием близкой смерти и восхищением, как маленький мышонок, который застыл перед котом. И глаза у него... кошачьи... Даже такой же зрачок...

И тут я увидела... чудовище. Нет, оно было не настоящим. Как призрак. Призрак внутри него. Призрачная чешуя, словно кто-то тусклым светом нарисовал вокруг глаз линии.

Я старалась не дрожать. Старалась не издавать ни звука.

Глава 7

Маска медленно склонилась ко мне, пока внутри меня все кричало страшным голосом: «Он убьет! Убьет!». Тело, словно устав сопротивляться, смирилось с мыслью о смерти. Мышцы расслабились, и я вдруг почувствовала приятную волну смирения. Словно я уже смирилась с мыслью о том, что это конец... Что я ничего не смогу сделать. И в момент расслабления мышц по телу пробежала приятная волна, похожая на слабый-слабый оргазм.

Убийца словно обнюхивал воздух вокруг меня. Как хищник обнюхивает жертву, решая, сыт ли он, или все-таки еще нет? В животе что-то продолжало трепетать, как бабочки.

Я попыталась взять себя в руки, чтобы не закричать. Не дернуться. Не упасть на колени.

Убийца медленно отстранился. Каждое его движение было плавным, не резким. И каждое таило опасность.

– Прошу вас, – прошептала я, а потом... Потом сделала то, чего сама от себя не ожидала. Я коснулась губами его перчатки, словно прошу о великой милости.

Перчатка пахла кожей и немного персиком. Или абрикосом... Я так и не поняла.

Все звуки стихли в моем сознании. Сейчас я слышала только гулкие быстрые удары своего сердца, умоляющего не останавливать его.

– Видящая, – послышался глухой низкий мужской голос.

Я едва заметно вздрогнула от звука его голоса. Я не знала, о чем он. Кто такая «видящая»? Но он говорил. И это было важно. Важно для меня.

– Я думал, такие уже не рождаются...

Он резко отпустил мой подбородок. Я покачнулась, замирая на месте.

Шелест плаща.

Он повернулся ко мне спиной и... растворился в темноте, из которой пришел.

Секунда.

Другая.

Я никак не могла совладать с внутренней дрожью. Точно ушел? Его точно здесь нет?

А потом словно вспышка пробежала по залу.

В зале вдруг снова стало привычно шумно – вальс, смех, звон бокалов. Звуки и магия снова вернулись в этот мир.

Гости снова были прекрасны, бриллианты снова сверкали, зубы белоснежные, волосы роскошные...

Я бросила взгляд на министра, а тот замер на полуслове.

По его лицу пробежал спазм. Одна половина лица странно дернулась, а сам он выронил бокал и схватился за грудь.

– Что с вами? – перепуганно и встревоженно произнес Сирил, а его глаза расширились от непонимания и удивления.

Глава 8

Министр хотел что-то ответить, но покачнулся, пытаюсь сделать вдох, и поднял на нас ошалевшие, ничего не видящие, полные ужаса глаза.

– Ы-ып, – икнул министр, а из его груди вырвался хрип.

Его глаза полезли из орбит. Он судорожно сжал рукой грудь и рухнул на паркет. Я смотрела на его лежащее неподвижно тело, не зная, что делать. Кажется, никто, кроме меня, этого не видел. Только я. Стоит ли сказать о том, что видела? Или лучше промолчать?

– Целителя! Доктора! – закричал муж, выдернув меня из шока.

Я отшатнулась, видя, как со всех сторон набежали удивленные гости. Сирил стоял растрепанный, в ужасе. Он прижал руку ко рту, а его глаза метались по залу: «О, боги! Что же делать?!»

– Пропустите доктора! Проклятые платья! Уберите свои юбки! Дамы, в сторону! Дайте доктору пройти! – слышался мужской голос среди десятка голосов: «А что случилось? Кому-то стало плохо?»

Старый доктор Пендорт с пушистыми бакенбардами и роскошными седыми усами тут же подошел и присел рядом с телом, водя по нему руками. Из его пальцев струилась магия, а магические нити впивались в неподвижное тело министра.

Внезапно магия погасла, а доктор взял министра за кисть, проверяя пульс.

Тишина.

Кто-то прошелестел юбкой, а доктор сначала нахмурился, а потом отпустил руку, вздохнул и покивал каким-то своим мыслям.

Он резко выпрямился и прокашлялся.

– Он мертв, – негромко, но отчетливо произнес доктор Пендорт, глядя на всех присутствующих, застывших в ожидании вердикта.

– Что? – послышался тихий изумленный женский голос возле моего уха. Я даже не обернулась узнать, кто там стоит.

Толпа тут же загудела, застонала, любопытные лезли вперед, чтобы получше рассмотреть, кто там умер.

«Его отравили? Правда?» – задыхалась от волнения дама в розовом, пытаясь рассмотреть поверх голов то, что случилось.

Она выглядела как хищница, которая пытается увидеть и услышать как можно больше, чтобы потом превратить все это в сплетни.

– Сердце не выдержало, – вздохнул доктор Пендорт, поджав губы. – Я проверил. Отравления нет. Просто сердце.

«Просто сердце!» – эхом пронеслось в моей голове. «Сердце-сердце-сердце!» – подхватил мой бешеный пульс. Я ведь знала, что сердце остановили. Но говорить об этом не решилась.

– Унесите господина министра! – послышался нервный голос Сирила. Муж был близок к нервному срыву.

Смерть на балу – это ужасно для хозяина. Это жирный минус к репутации и повод для вымыслов и сплетен!

Сирил отошел и сжал кулаки: «Что ж такое-то!» Его трясло.

По приказу Сирила слуги бережно подняли тело и унесли. Я стояла в растерянности. Страх все еще держал меня за горло, не давая ни глубоко вздохнуть, ни что-то сказать.

Гости все не утихали. Наоборот. Они взволнованно обсуждали внезапную смерть, сравнивали ее с другими смертями! Даже оркестр перестал играть, понимая, что музыка сейчас неуместна.

«Шестой министр за этот месяц! И все от сердечного приступа!» – шелестели голоса, находя в этом тревожный знак.

– Быстро иди в свою комнату! – послышался строгий голос мужа. – Быстро!

Это слово забилося внутри, как второе сердце: «Быстро, быстро, быстро!» Я с ужасом смотрела на гостей, которые разошлись, обсуждая происшествие:

«Какой ужас!»

«Ах, жаль, конечно. Я очень надеялся на его помощь! Кто же теперь возглавит королевских министров? Норбер? Или Карсон?»

«Вы видели, что случилось?»

«Просто упал. Рухнул, как подкошенный!»

Глава 9

Все это превратилось в жужжание, в гул, под который я послушно покинула бал. Мне и самой не хотелось оставаться ни на минуту там, где можно убить человека одним прикосновением!

Я шла по пустому коридору и нервно оглядывалась. Дрожащие ноги ступали неуверенно. Меня трепало. А я никак не могла успокоиться.

Я стала свидетельницей преступления. А свидетелей обычно убирают. Почему он не убил меня? Он ведь мог?

Или, быть может, убийца решил, что два трупа одновременно – это подозрительно? Это уже не спишешь на случайность и возраст.

Мне сейчас больше всего на свете хотелось запереться в своей комнате. Я шагнула на лестницу, ведущую на второй этаж, из зала снова послышалась музыка.

Все слуги были заняты балом, поэтому коридоры были пусты.

Я постоянно оглядывалась, чувствуя, как внутри все дрожит и никак не может успокоиться.

Тяжело опираясь на перила, я с трудом дошла до середины лестницы, чувствуя, как чужие туфли безбожно натирают ноги. Я уже предвкушала момент, когда сниму их. Сдеру с моих несчастных ног и почувствую облегчение, сродни ор-

газду.

Внезапно музыка снова стихла. В гулком и пустом холле стало так тихо, что я даже услышала ускоряющееся биение моего перепуганного и настороженного сердца.

По моему горлу мерно прокатила слюна, а тело сжалось от тревоги. Дрожащая рука вцепилась в лакированные холодные перила. Чувство опасности мурашками пробежало по спине. Я резко обернулась. Никого...

Сиюминутное облегчение.

“Неправда! Неправда! Кто-то есть. Он здесь. Он рядом!”, – трясло меня изнутри, когда мои глаза внимательно смотрели по сторонам.

– Все в порядке, – прошептала я своим дрожащим коленям, понимая, что все не в порядке!

И тут я подняла глаза вверх и дернулась от ужаса. Он.

Он был там.

На самой верхней ступени лестницы.

Та самая черная фигура в маске. Он стоял неподвижно, словно статуя.

“Значит, я была права! Теперь он хочет убрать свидетеля!”, – выстрелило в голове.

Убийца сделал шаг вперед, а я стала дрожащей рукой сдирать с ног неудобные туфли. Одну, вторую... Одна упала между перил, вторая осталась на ступеньке. Я подобрала юбку и бросилась бежать вниз.

В этот момент я не думала. Перед глазами все казалось

мутным. “Беги! Беги!”, – выстукивало сердце, а я не сообщала, куда бегу. Главное – бежать! Бежать и не останавливаться.

Я всем телом ударилась о входную дверь, дрожащими руками нащупала ручку и распахнула ее.

Холодный ветер успел обжечь лицо и обнаженные плечи. Я успела сделать вдох, который ворвался в меня, замораживая все внутри, как вдруг меня резко дернуло назад.

– Куда ты собралась, моя конфетка? – послышался страстный, задыхающийся шепот.

Маска была так близко, что я слышала его дыхание совсем рядом. Он держал меня, я пыталась вырваться.

Глава 10

Я попыталась закричать, но мне крепко зажали рот. Перчатка заглушила мой крик, превращая его в жалобное мычание бессилия.

– Тише, – шептал голос, пока я дрожала от ужаса. – Тише... Не паникуй... Делай то, что я тебе скажу, конфетка, и ты не пострадаешь... Ты будешь меня слушаться?

Мое сердце подергивалось от каждого его слова, а я тихо простонала в его перчатку.

– М-м, – кивнула я, сглатывая.

– Какая ты умница, – шепнул голос.

Моей щеки коснулась бархатная маска. Я чувствовала, как по щекам текут слезы, а все тело дрожит.

Убийца что-то бросил на пол нам под ноги. Маленький пузырек взорвался под нашими ногами, а перед глазами все померкло от сверкающего дыма.

Я закашлялась, понимая, что мне нечем дышать и ничего не видно. А потом почувствовала, как проваливаюсь в темноту.

Это была настоящая темнота.

Без имени, без боли, без его голоса, шепчущего мне, как я не дотягиваю до прекрасной, совершенной Вайлиры. Здесь не было зеркал, которые шептали: «Не похожа! Он будет недоволен!». Не было весов, которые предавали меня каж-

дый раз, когда я наступала на них. Не было слов: «Ты жирная!». Здесь я не была Талиссой. Не была жалким, раздражающим подобием другой. Я просто не существовала – и от этого было так сладко, так ужасающе уютно, что я готова была умереть, лишь бы не возвращаться.

Потом я почувствовала прикосновение. Мягкие, теплые пальцы коснулись моей груди. Словно поцелуй, придуманный тьмой.

Сначала – едва уловимое касание кончиков пальцев у основания груди. Я даже сначала не поняла, что происходит.

И в тот момент, когда я почти убедила себя в том, что это мне почудилось, я почувствовала тепло ладони на моей шее.

Рука недолго поглаживала мою щеку. Вслед за этим я ощутила жадное движение ладони, скользящей вниз и вожделенно сжавшей мою грудь.

Я задрожала, чувствуя, как одна из застёжек на груди, замаскированная под украшение, внезапно ослабла.

Щелчок и шелест руки по жемчужинам на корсете.

Желание ударило вниз живота, как удар кинжалом – резко, глубоко, с такой силой, что я едва сдержала стон.

Мое тело безмолвно призналось мне, что ему это нравится, приятной дрожью и томлением внизу живота.

Я вдруг поняла, что скучала. По ласке, по поцелуям, по мужчине, который желает меня, а не призрак другой. И я чувствовала это восхищение и желание в жадности прикосновения.

Нужно было закричать. Громко, пронзительно, оттолкнуть руку, обжечь гневным взглядом: «Как вы смеете!».

Нужно открыть глаза. Но я не хотела. Словно мое тело отказалось мне подчиняться. Оно просто упивалось каждой секундой, каждым мгновением, каждым движением.

Я уже не та девочка из мира, где работают законы. В этом мире только магия. Здесь нет закона. Есть только власть. И тот, чья рука сейчас медленно, почти лениво, обводит мой сосок, заставляя его набухнуть от желания.

– Какая чувственная девочка, – слышался едва слышимый шелест знакомого голоса.

Глава 11

Тихий. Низкий. Приятный, как и его движение пальцев на моей груди.

Внутри меня – глубоко, там, где я похоронила всё, что связано со мной – вспыхнуло томление.

Сладкое. Опасное. Унизительное.

Он чувствовал это. Чувствовал, как мое тело отвечает. И от этой мысли мне вдруг стало ужасно стыдно. Стыдно за то, что я не лежу без сознания. Что я уже очнулась. Что я чувствую все это. И ничего не делаю. Что я прикрываюсь обмороком, чтобы позволить себе снова ощутить себя желанной.

Я почувствовала, как мой сосок обжигает дыхание. Жаркий язык легко коснулся его, словно пробуя меня на вкус.

“О, боже...”, – вспыхнуло все внутри, когда язык прикоснулся к моей коже. Внутри все задрожало. Я едва сдержала движение бедер ему навстречу.

– О...о... сладкая... – послышался едва различимый мужской шепот.

От его слов по телу пробежали мурашки. Они возбуждали не меньше, чем его язык, ласкающий мою грудь.

Впервые за такое долгое время я не чувствовала себя статуей, из которой ваяют недостижимый идеал. Я чувствовала себя... собой.

Я лежала, боясь пошевелиться. Внутри все горело. Горело.

ло от постыдного желания, чтобы это не заканчивалось. Мне хотелось. Да! Я знаю, что это безумие! И мне ужасно стыдно за свои мысли, но... Мне хотелось, чтобы он взял меня. Прямо сейчас. И я бы... я бы... позволила... Наверное...

“Ты ведешь себя, как ... как... шлюха!”, – задохнулась я, пытаюсь задушить это желание внутри. Пристыдить. Заставить исчезнуть.

Это был голос моей совести.

Той, что ещё верит в порядок. В приличие. В право на выбор.

Совість победила. Я шевельнула рукой, чтобы оттолкнуть его от себя, как вдруг. Но не смогла.

Стоило мне только пошевелиться, как все закончилось.

“Ты все сделала правильно!”, – произнес строгий внутренний голос, одобряя мое решение.

Я открыла глаза, и сердце вдруг испуганно дернулось, словно почуяв опасность.

Надо мной нависала та самая тень – всё ещё в маске, всё ещё безымянная, но теперь – не призрак, не галлюцинация от страха и боли.

Он был реален.

И это меня пугало. Он стоял надо мной, словно палач.

Я рванула сразу обеими руками – и сердце упало в пятки. Нет, мне не показалось.

Обе запястья были привязаны к изголовью кровати шелковыми лентами, крепкими, как цепи, но мягкими, как поце-

луй палача. Осталось только расслабить руки, чувствуя свою беззащитность.

Ноги были свободны.

Свободны – чтобы бежать? Или чтобы он мог приказать мне раздвинуть их? Я предприняла еще одну попытку. Теперь я яростно извивалась, чувствуя, как ткань корсета впирается в рёбра, как кожа на запястьях горит от трения.

Убийца спокойно смотрел на мои тщетные попытки вырваться. И вот я устала. Совсем обессилила, понимая, что освободиться мне не суждено.

– Что... что все это значит? – дрожащим от страха и волнения голосом прошептала я, предприняв последнюю, отчаянную попытку, которая закончилась моим полным поражением.

Теперь мне оставалось только смириться с тем, что я полностью в его власти.

– Доброй ночи, – произнес похититель совершенно другим голосом.

Теперь в нем не было ни страсти, ни шепота, ни придыхания. И в этом голосе не было того мужчины, что ласкал меня языком и шептал «сладкая».

Холодный, властный, высокомерный, привыкший, что ему подчиняются беспрекословно голос вызвал у меня тревогу.

“Доброй? Он шутит? Разве... разве... – я посмотрела на свои руки, привязанные к кровати. – Разве можно назвать

эту ночь “доброй”?

– Вы... вы сейчас шутите? – прошептала я едва слышно, глядя на тень, которую черный капюшон отбрасывает на его лицо и на бархат маски, скрывающей все, кроме глаз.

Глава 12

Он не ответил, словно не посчитал нужным. Только посмотрел на мои руки в бальных перчатках, которые я, преодолевая боль, пыталась освободить.

Зелёные глаза за маской – без тепла, без страсти, без той жадности, что касалась меня языком.

В них были только ледяной расчёт и власть.

Та, что не требует доказательств.

Я осмотрелась, с ужасом понимая, что очутилась в комнате, которая выглядела незнакомой. Единственное, что утешало, что это все-таки комната, а не тюрьма и не сырой холодный подвал.

Я рванула головой, пытаясь оглядеться, и сердце заняло от ужаса и странного, непонятного восхищения. Меня окружала невероятная роскошь. Такая, которой я в жизни не видела, хотя мне казалось, что роскошней особняка моего мужа сложно что-то представить. Огромный камин, шкаф во всю стену со старинными книгами. И череп, который смотрел на меня с верхней полки.

– Где я? – едва слышно прошептала я, пытаясь проглотить комок своих нервов.

Пока что я даже представить не могла, куда меня принесли. И главное, зачем?

– Здесь! – в голосе послышалась высокомерная нотка на-

смешки.

Полумрак ласкал изгибы мебели из чёрного дерева, инкрустированной серебром. Тень от высокой фигуры скользила по стенам, по роскошным обоям с золотым тиснением.

Золотая инкрустация на комодe. Бархат чёрного как ночь покрывала. Шёлковые шторы, колышущиеся от сквозняка, будто сама комната дышит.

Запах «здесь» тоже был незнакомым. Сладковатым, приятным, немного терпким. Что-то похожее на табак, ваниль и что-то звериное, почти ядовитое.

– 3-з-зачем вы меня похитили? – дрожащим шёпотом спросила я, вдыхая запах комнаты, словно пытаюсь найти в нем подсказку.

Плавное движение головы в сторону, словно он играет со мной. Он встал и отошел подальше, словно давая мне немного воздуха.

Я заметила, что он двигался медленно и плавно, словно хищник, ведя рукой по спинке кровати, как вел по моему телу. И этот жест заставил меня замереть. Я безотрывно смотрела на его руку. Его рука в скользнула по красивой резьбе, едва касаясь, словно обозначая территорию.

– Скоро узнаешь, – усмехнулся он, надевая на руки перчатки.

Его голос меня пугал своей холодной властью. Голос, привыкший, что мир кланяется, даже если он не видит трона.

– Вы... вы понимаете, что мой муж... Он... он будет меня

искать, – вырвалось у меня дрожащим шёпотом. Я запнулась, но продолжила, цепляясь за последнюю нить реальности: – Он... имеет связи... Так что вам лучше меня отпустить...

Тень оперся облокотился на изголовье, и я почувствовала, как взгляд скользит по моим ногам. О, боже! Я видела свои обтянутые чулками колени, понимая, что юбка позорно задралась. Сама? Или ей... помогли?

Я тут же стыдливо поджала колени под измятое платье, словно пытаюсь спрятать от его взгляда лишний сантиметр тела.

– Да ты что... – произнёс он, и в голосе зазвучала ядовитая ласка. – Продолжай...

Глава 13

Эта ласка была страшнее криков и гнева. Она убивала медленно – через надежду. Надежду на то, что перед тобой все-таки человек, а не хладнокровное чудовище. И что в его сердце осталось хоть что-то человеческое. То, что можно разжалобить, упротить, уговорить...

Его рука в чёрной перчатке потянулась к моей стопе. Он двигался не как человек – а как тень, что научилась дышать. Медленно. Плавно. Непобедимо.

Я рванула ногу назад, вжимаясь в подушки, будто от этого зависела жизнь.

– Он... он дойдёт до самого двора! До министров! – голос предал меня, сорвался на тонкий писк. – И... и до... принца...

Рука замерла, словно мои слова подействовали на него. Но что-то внутри шепнуло, что он играет со мной, как кошка с мышкой.

– Поэтому вам... вам лучше отпустить меня. А я обещаю, что никому не скажу. Я же никому не сказала о том, что вы сделали на балу... И сейчас буду молчать, – уже тверже произнесла я, заглядывая ему в глаза с надеждой.

Послышался смешок.

Убийца провёл пальцами по краю маски.

Задумчиво. Почти нежно. Я следила за каждым его дви-

жением напряженным взглядом.

А потом... потом он снял её. Тряхнув головой, он скинул капюшон.

Лучше бы он этого не делал!

Я всхлипнула. Слова застыли в горле, словно я проглотила розу и теперь шипы впиваются в меня, не давая сказать ни слова.

– Нет... Только не это! – дёрнулась я, чувствуя, как от ужаса всё внутри сжимается и никак не может разжаться.

Светлые длинные серебристые волосы, будто вырезанные из лунного света, спадали на плечи мягкими прядями, но не скрывали глаз – глубоких, изумрудных, с вертикальными зрачками, как у... как у... дракона. Сейчас они напоминали яд в хрустальном бокале.

Лицо – красивое, холодное, надменное, с резкими скулами и тонкой, почти жестокой линией челюсти.

Губы – тонкие, но не жестокие, чуть приподняты в опасной усмешке, которая не касалась глаз. Там, где кожа встречалась с тенью, на виске, по линии скулы – мерцала чешуя.

Не настоящая, словно призрачный рисунок или отпечаток магии.

След древней крови. Она мерцала тусклым светом при каждом вздохе, словно живая.

Это лицо знали все. Оно смотрело с роскошных портретов, одаряя ослепительной улыбкой. Оно улыбалось со страниц газеты. Только там на нем была красивая корона. А сей-

час короны не было.

– Я буду рад ему помочь в тщетных поисках его жены, – ледяная насмешка в голосе заставила меня вздрогнуть.

И в этом «тщетных» было всё. Презрение. Уверенность. Он чувствовал себя хозяином положения, и я понимала, что это – самое страшное, что могло со мной случиться. То, о чём я еще недавно думала, вдруг произошло наяву!

Не с кем-нибудь. А со мной!

Глава 14

Видя мое замешательство, граничащее с паникой, убийца улыбнулся.

Медленно. Вовсе не так, как улыбался со страниц газеты.

Слишком медленно. Слишком ядовито. Слишком страшно.

Я хотела сказать «принц», но язык отказался произнести это слово. Потому что он не был тем, кого рисуют в романах. Он был тем, чьё имя вызывало ужас.

“Девушки... Погибшие девушки во дворце!”, – пронеслось тревожное в голове. Боже мой... Неужели... Неужели это правда? И он меня тоже убьёт?

Сердце стало отбивать ритм страха, перерастающего в панический безотчетный ужас. Я снова дернула руками, словно в душе еще теплилась надежда освободить их.

Принц провел рукой по простыне кровати, как хищник, проводящий когтем по спине жертвы. Рука приближалась ко мне, а я рвалась еще сильнее.

А он продолжал улыбаться.

– Мне нужна твоя помощь, – произнес принц, убирая руку с кровати.

Теперь он стоял во весь рост.

Голос – ледяной. Точный. Как клинок, вынутый из ножен за секунду до удара.

“Помощь? Чем я могу ему помочь?”, – пронеслось в голове.

Я сглотнула, осматривая свои руки. “Не паникуй. Сделай всё, что он скажет!”, – шептал упрямый голос разума.

– Что я могу для вас сделать? – прошептала я обреченным голосом.

Сейчас мне казалось, что самые страшные сны иногда сбываются. По сравнению с этим раздробленные пальцы Сирила были... милостью судьбы. Нет, правда... Попасть в плен к принцу, чтобы стать его очередной жертвой... Хуже не придумаешь!

Я зажмурилась, словно пытаюсь на секунду представить, что это всего лишь дурной сон. Что мне всё это снится... Пусть это будет сон. Пусть я проснусь в нашем мире. В паспортном столе. С телефоном в руке, вызывающим такси... И вместо такси я поеду на трамвае, пусть и с тремя пересадками! Лишь бы никогда не встречать разговорчивого Виталика с добрыми серыми глазами в серой футболке, у которого на лобовом стекле болтался деревянный крестик.

Но когда открыла глаза – ничего не изменилось.

Пристальный взгляд принца на мои дрожащие руки. И комок в горле, который я не могла ни проглотить, ни вырвать. Я все еще была пленницей.

– У тебя особый дар... Видеть магию и то, что спрятано под ней, – наконец произнес принц, медленно проходя мимо, будто тень, скользящая по стене. – Мне нужно, чтобы ты

применила этот дар. И сказала мне, что ты видишь. И тогда я, быть может, тебя отпущу...

Особый дар? Да я не замечала за собой особых даров. Разве что только есть как котенок и кое-как волочить ноги. Ну и влипать в неприятности. Однако, это, скорее, талант.

– Ты готова? – спросил принц, а его глаза внимательно посмотрели на меня, словно моя жизнь зависела от моего ответа.

– Я не уверена, что могу что-то увидеть, – прошептала я сбивчиво. – Я вообще не понимаю, о чем вы...

– Дар! – прорычал принц, словно потеряв терпение, а я вздрогнула. – Твой дар. Видящей. Мне больше от тебя ничего не нужно. Ты разрушила иллюзию на балу. Ты – Видящая. И мне нужно, чтобы ты увидела то, что я не могу увидеть. Я достаточно ясно объяснил?

Он скользнул взглядом по моему телу, а я почувствовала, словно его глазами на меня смотрит чудовище, жадное, хищное и жестокое.

“Он просто так не отпустит... Даже если я помогу...”, – пронеслось в голове.

Зелёные глаза с вертикальными зрачками впивались в меня, ожидая моего ответа.

Я чувствовала его взгляд. Принц смотрел не как мужчина, а как охотник, оценивающий, стоит ли ждать, пока добыча придет сама... Или лучше сразу схватить её за горло.

– Готова?

Глава 15

Этот взгляд я почувствовала внизу живота. Он прошелся по мне мурашками. Я лихорадочно соображала, как ему ответить правильно.

– Я... Я согласна попытаться, – прошептала я, едва не задохнувшись от собственной слабости. – Но я не... не уверена, что получится...

– Тогда пойдём прямо сейчас, – холодно произнёс принц, а я пыталась вспомнить, как его зовут. – Не будем терять время.

Я не могла сосредоточиться ни на чём, кроме страха, который застилал глаза.

Мысли вихрем проносились в голове. Принц подошёл ко мне так близко, что мне стало по-настоящему страшно. Его руки скользнули к моим. Стоило ему коснуться магией шёлковых лент, как шёлк рассыпался на кровати, как пепел.

Я резко прижала руки к груди, будто они могли исчезнуть. «Они свободны... Свободны!» – мысленно шептала я, пытаясь себя немного успокоить.

Я сглотнула, глядя на свои запястья, всё ещё горевшие от шёлковых лент.

Руки, может, и свободны. Но свободы нет.

– Пойдём, – пригласил принц.

Я попыталась встать на дрожащие ноги и найти свои

туфли.

Одной туфли не хватало. Зато вторая стояла аккуратно под кроватью. Я точно помнила, как одна туфля упала вниз, а вторая... Вторая осталась на лестнице. Видимо, это – вторая.

Мне хотелось сказать, что у меня нет туфель, но я страх сдавил мне горло. «Лучше не спорь и не пререкайся! Не надо раздражать... чудовище!» – строго произнёс голос в голове. И я решила, что так будет правильно. Не стоит его злить.

Я сглатывала и нетвёрдой походкой направлялась к принцу, который почему-то стоял не возле двери, а возле стены.

«Мамочки, что же со мной будет!» – скулило что-то внутри меня, свернувшись в комочек.

Его высочество посмотрел на меня сверху вниз, а я невольно вжала голову в плечи под тяжестью его взгляда.

Рука в перчатке легла на стену. словно тонкая нить магии пробежала по стене, вырезая на роскошных золотых тисненых обоях прямоугольник потайной двери. Затаив дыхание я наблюдала за тем, как прямоугольник сдвигается в сторону, обнажая чёрную пасть темноты и ступени, уходящие вниз.

Три или четыре ступени были видны, а остальные терялись в зловещей и загадочной темноте.

– Только после вас, мадам! – усмехнулся принц, а я поняла, что он пропускает меня первой.

Я сделала глубокий вдох, а потом зажмурилась и шагнула вперёд на холодный камень.

«А вдруг ему не нужна помощь? Вдруг он... он... зама-

нивает? А тут у него... кандалы и пыточная?» – страшная мысль в голове забила, словно птица в клетке.

«Тогда почему сразу не отнес?» – пытался успокоить меня голос разума.

Я невольно поёжилась, услышав, как дверь за нами закрывается с тихим шелестом камня о камень. Стало совсем темно. Просто крошечная темнота вокруг.

Одно движение руки принца, и из его пальцев вылетел зеленоватый свет, который тут же осветил ступени и красивое лицо, придавая ему поистине зловещие черты.

«Это ловушка. Он завёл сюда всех. И все погибли. И ты – следующая!» – захлёбываясь ужасом шептало что-то внутри.

Глава 16

Я понимала: послушаться означало умереть сразу. Но и шагнуть в неизвестность тоже страшно.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы преодолеть свой страх.

Я ступала босыми ногами, чувствуя пыльный холод старинных ступеней. Мы куда-то спускались.

Я уже представляла себе мрачное подземелье, толстые стены которого слышали и заглушали десятки женских криков боли и мольбы о пощаде.

Мне даже казалось, что я слышу эхо заблудившихся воплей, и от этой мысли мне тут же стало не по себе.

Мы все еще спускались. Мир сузился до его дыхания впереди – и моей паники, царапающей горло.

От голода кружилась голова. Для меня было привычное чувство.

Я всегда, когда шла по лестнице, старалась на всякий случай держаться за перила, чтобы не упасть. Но здесь даже перил не было. А до стены еще было ого-го... Я протянула руку в темноту в надежде на что-то опереться, но ничего не нащупала.

Голова закружилась, перед глазами все потемнело, я вдруг покачнулась и... всё перед глазами дернулось.

На мгновение наступила темнота, а потом... потом я оч-

нулась. Не на полу. На руках.

Сильные, тёплые руки держали меня, не дав мне упасть. Я чувствовала, как он прижимал меня к груди. Твердая, словно все мышцы его напряглись, она напоминала дышащую стену. Черный бархат был пропитан запахами: ваниль, табак, персик... и что-то звериное, древнее. Я вдохнула и на мгновение забыла, где я.

Забыла про боль в покалеченной руке.

Забыла страх, когда его руки бережно прижали меня к себе. Или мне показалось...

Я прижималась к нему, словно пытаюсь найти защиту там, где ее быть не может. “Защити меня... Прошу тебя, – шептало мое тело, сжавшись в комочек. – Ты же можешь... Ты сильный... Просто защити... Хотя бы от самого себя...”

Мне вдруг стало тошно от собственной слабости. От того, что мысленно прошу у него защиты. У кого! У того, кто на моих глазах убил человека, у того, кто убивает женщин, у того, кто похитил меня...

Мне казалось, что мой мозг начинает играть со мной в странные игры. И мне это не нравилось. Обычно в сказках, когда принцессу похитит злой дракон, всегда прискачет прекрасный принц и спасет ее. А тут и принц, и дракон... И всё в одном.

Мне так хотелось верить, что в нем есть что-то светлое. И оно не хочет моей смерти.

Несколько секунд его руки держали меня, а потом отпу-

стили, поставив на ступеньку.

– Осторожней! – с раздражением произнес принц, отвернувшись.

Я кивнула, пообещав себе быть осторожней и смотреть, куда наступаю. Но это было непросто. Юбка была пышной, поэтому своих ног я не видела. Приходилось ощупывать ногой ступеньку, прежде чем наступить на нее.

Мы прошли по небольшому коридору, свернули в другой, еще более узкий. “Тайные ходы... Только не ловушка! Я умоляю! Только не ловушка!” – пронеслось в голове, когда я вдыхала сырость.

– Почти пришли, – послышался хриплый голос принца, когда он остановился возле еще одной стены.

Его рука припечатала стену, а я тайно сжала кулаки, пытаясь хоть на мгновение представить, что меня там ждет.

Я зажмурилась, понимая, что не в силах вынести мысль о том, что за этой стеной меня ждет боль, ужас и... забвение.

Глава 17

Магия снова очертила прямоугольник, и он отодвинулся в сторону.

“Вроде светло!”, – едва прошептала я, пытаюсь согреть сердце надеждой.

Мы оказались в роскошной спальне.

Она была настолько огромной, что здесь смело можно было устраивать балы. Даже широченная кровать с парчовым балдахином, которая сама по себе заняла бы половину обычной комнаты, казалась здесь почти игрушечной.

“Ого!”, – пронеслось в голове, а я вдруг почувствовала горький запах. Травяной, лекарственный. Он витал в воздухе, вызывая неприятные ассоциации с болезнью.

На кровати среди роскошных подушек и одеял лежал старик.

Он выглядел опрятно, одет был очень дорого. На узловатой исхудавшей руке поблескивал старинный золотой перстень с драгоценным камнем. Его одежда сверкала драгоценностями, но старику, казалось, было все равно.

Его грудь едва вздымалась. Кожа была сухой, тонкой, восковой. Глаза – закрыты, но под веками – движение. Как будто что-то внутри борется.

Рядом на подушке лежала корона.

Не золотая. Чёрная. С драконом, обвивающим кристалл.

– Подойди, – в голосе принца слышался приказ.

И когда я не двинулась, его высочество схватил меня за локоть. Не грубо. Но без права на сопротивление.

Я поняла, кто передо мной. Его величество. Сам король. Тот самый, кого министр назвал «уже почти мёртвым». И Роумонт был прав. Жизнь словно едва теплилась в этом щедром усохшем теле, создавая впечатление, что это – последние часы жизни.

– Смотри! – послышался голос принца. Он взял меня за подбородок и заставил смотреть на старика, чья грудь едва-едва вздымалась. – Смотри внимательно!

Я затаила дыхание, вглядываясь в силуэт на кровати. Словно в насмешку над тем, что лежало на кровати, рядом с кроватью висел портрет темноволосого красавца с хищными глазами. Мощный, широкоплечий, с широкой грудью, он смотрел с портрета гордым взглядом победителя и завоевателя.

“И вот что осталось от бывшего величия!”, – пронеслась в голове мысль, когда я перевела взгляд с портрета на кровать.

Грудь старика едва вздымалась, веки дрожали, выдавая внутреннюю борьбу, уставшая, худая рука покрылась чешуей, словно пытаясь сгрести себе не одеяло, а власть, которая ускользает как песок сквозь пальцы.

На подушке – корона, тускло мерцающая, как душа на грани. Ничего не поменялось.

– Ты что-то видишь? – спросил принц, а я сглотнула и

стала всматриваться еще внимательней. – Ты видишь магию?

– Пока нет, – прошептала я.

– Смотри внимательно! – я почувствовала, как принц нависает надо мной. И в этом шепоте – обещание смерти.

Я смотрела. Так внимательно, как только могла. От напряжения у меня даже глаза заслезились. Взгляд цеплял детали, я даже крепко жмурилась, в надежде, что получится так, как на балу, но нет... Ничего не получалось.

Картинка не менялась.

– Я... – прошептала я едва слышно. – Я... ничего не вижу... Простите...

Мне показалось, что эти слова прозвучали в тишине, как приговор самой себе.

– Что значит, ты ничего не видишь? – произнес принц, а мне стало страшно от его взгляда.

– Я... я единственный раз смогла увидеть на балу... – мой язык заплетался, а я боялась, что любое слово может стать для меня последним. – И... всё... Мне очень жаль...

В глазах принца я прочитала смерть. От этого всё внутри вздрогнуло. Теперь он точно меня убьет.

Глава 18. Принц

«Старый дурак! Как же тебя угораздило!». Я смотрел на восковое лицо отца, видя, как в нем едва-едва теплится жизнь, как его ослабевшая рука сжимает одеяло.

Я чувствовал, как внутри кипели гнев, ярость и бессилие, словно шторм, разрывает мою душу на части.

– Не такую жизнь я себе представлял, папа, – выдохнул я, беря его за холодную руку. – Я думал, ты еще будешь править лет триста. А то и пятьсот!

В руке у меня был кинжал. Передо мной было его слабое, изнемогающее тело, и я знал: это был мой последний шанс. Один удар, и я стану королем.

Только мне оно не надо.

Плакала моя башня, битком набитая магическими книгами.

– Ты же знаешь, – усмехнулся я, глядя на его подрагивающие веки. – Я не хочу быть королем. Я не раз говорил тебе об этом. Я не хочу лезть во все это.

Я сглотнул, понимая, что бессильная злость сдавливает мне горло. Я был ужасно зол на него.

– Я хотел башню где-нибудь подальше от столицы, битком набитую магическими книгами. Я хотел видеть людей раз в полгода, – я сжал кулаки. – Я терпеть не могу эту ораву надоедливых придворных, терпеть не могу людей, которые вечно

ошиваются во дворце. Терпеть не могу эти балы, заседания, советы...

Это сложно. Сложно принять. Сложно заставить себя просто опустить кинжал ему на грудь. Он не стал бы сопротивляться. Он бы даже не дрогнул. Но тогда мне придется взять власть в свои руки.

– Слышишь, я не хочу, – прошипел я. – Ты видел, во что превратилась страна за полгода? Полгода, пока ты тут лежишь? Я не хочу засучив рукава поднимать ее из руин. Я не хочу убить лет сто своей жизни ради того, чтобы исправить все, что натворили твои «правые руки», пока ты не глядя подписываешь документы. Ты хоть знаешь, что ты подписываешь?

В ответ – тишина. Только слабое дыхание.

– Ты превратился в безвольную марионетку. И теперь каждая шавка может подписать любые бумаги твоей рукой! – я сжал руку отца до боли, но он даже не дернулся.

– Твоей рукой делят земли, выписывают себе государственные награды, казнят, милуют, а ты словно не видишь! Или не хочешь видеть! – выдохнул я, отпуская его руку.

Пока его сердце с трудом, но продолжало биться под вышитой парчой, я был принцем. И я не хотел, чтобы отец умирал. Не сейчас.

Либо я продолжу смотреть, как его безвольная рука водит по бумагам, подписывая чудовищные законы, либо я сейчас опущу кинжал и милосердно перережу ту нить жизни, кото-

рая еще держит его здесь.

Но тогда мне придется занять его место и исправлять его ошибки.

Отец дышал, не открывал глаза, не приходил в себя. А я стоял над ним, как тень. Тень, которая помнит, как он носил меня на руках, как я хвастался первым заклинанием, как он дарил на день рождения редкие книги.

«Материнская кровь!» – вздыхал он.

Солнце, сад. Сильные руки подбрасывают меня в воздух, а я расправляю крылья и пытаюсь лететь. Мама смеется, отец ловит. Лучший отец, которого я мог себе представить.

«Я не хочу быть королем! Я хочу быть магом! Как мама!»

Я слышу свой детский голос.

Отец тогда усмехнулся и погладил меня по голове. «Но однажды тебе придется занять престол!» – замечает он. Отец думал, что я шучу. Нет, я был серьезен. С того момента ничего не поменялось.

Я был уверен, что отец будет править долго. Драконы живут столько, сколько смертным и не снилось.

Но случилось то, чего никто не мог предугадать.

Глава 19. Принц

Кроме убийцы.

Мама была убита.

В тот момент, когда Великий Йорминтракс своей рукой закрыл ее глаза, мир изменился навсегда.

Я помню церемонию прощания. Тишину. Гробовую. Свечи. Цветы. Маму в красивом белом платье на каменном пьедестале в зале прощания. Здесь дракон своим пламенем сжигал тех, кто был ему дорог. Таков обычай. Здесь любовь превращалась в горстку пепла.

Только стоя среди похоронной процессии, я понимал, сколько горя и слез видел этот пьедестал за тысячу лет.

Я помню холодную руку мамы. Помню цветы. Море цветов вокруг. Помню подрагивающее пламя свечей.

Отец долго стоял рядом с мамой, а потом отошел, закрыл глаза идохнул на нее огнем.

Пламя тут же вспыхнуло, сжигая ее хрупкую фигурку в белоснежном платье в короне с букетом лилий на неподвижной груди.

Ее светлые волосы, красиво убранные в последнюю прическу, были охвачены огнем. Вокруг бушевало пламя, но ее бледное, почти мраморное лицо оставалось спокойным. До последней секунды, пока прожорливое пламя не поглотило и его, навсегда стирая ее черты.

Корона мамы золотыми потоками стекала вниз по почерневшему от драконьего пламени пьедесталу. Лилии, тонкий шелк, тафта, даже алмазы – все превратилось в пепел.

И в этот момент привычная жизнь разбилась, как хрупкая ваза, которую случайно толкнула неповоротливая горничная. Этот осколок воспоминаний навсегда остался в моем сердце, застряв в кровоточащей ране.

“Отец!”, – слышал я свой голос.

Я помню, как отец молча выходил из зала прощания. Так же величественно, как и всегда. Его могучие плечи не ссутулились под тяжестью горя. Взгляд не был затуманен слезами.

Придворные, застывшие словно мыши, молча замирали в поклоне и ждали, когда он пройдет мимо. Они боялись не только его гнева, но и его взгляда.

Его лицо не выдавало ни малейшей скорби. Оно было непроницаемым камнем.

Ровно до того момента, пока он не вошел в свои покои.

“Закрой дверь, Каэль! Никто не должен видеть, как плачет король”, – послышался все еще твердый голос отца.

Я помню, как положил руку на дверь, запечатывая ее магией.

“Каэль”, – прозвучало в моей голове голосом мамы. И мне показалось, словно она где-то рядом. Стоит позади меня. Я обернулся, придумав ее голос, и увидел за собой лишь закрытую дверь и пустоту.

Ее больше нет. Тогда я впервые узнал, как страшно может

болеть пустота. Но тогда я не знал, чем все это обернется.

И тут отец сломался. Он заревел. Нет, не как человек. Как дракон. Я видел, как зверь рвался из него, как покрытые чешуей руки впились в кресло.

Я никогда его таким не видел. И даже представить не мог, что он, Владыка Севера, тот, чей взгляд заставляет разговоры умолкнуть, тот, кто способен сметать на своем пути врагов, задыхался ревом и ее именем: “Марисса... Марисса... Моя...”

– Это дракон, – прошептал отец, поднимая на меня полные слез глаза. – Он оплакивает ее... Он убивает себя за то, что не смог уберечь истинную. Однажды ты ее встретишь. И поймешь, что это такое... А пока просто смотри. Смотри, что будет с тобой, когда ты ее потеряешь! Истинная – это твоя слабость. Это – дыра в твоей чешуе. И тот, кто убивает твою истинную, пронзает твое сердце... Ты поймешь это... Однажды...

– Я не хочу понимать, – резко произнес я, видя, как отца трясет от боли и ярости. – И я не хочу ее встречать! Никогда! Я хочу прожить долгую и счастливую жизнь один!

Глава 20. Принц

– Ты встретишь ее, – слышался голос отца. В его голосе звучала уверенность. – И в тот момент, когда ты в первый раз овладеешь ею, ты больше никогда не сможешь от нее отказаться. Никогда. Вы станете единым целым... Ты будешь одержим ею.

– Значит, просто нужно не брать ее. Вот и все! Я не знаю, какой красавицей должна быть женщина, чтобы я потерял от нее голову, влюбился с первого взгляда! – начал я с уверенностью.

– Она может и не быть красавицей. Дело не в красоте, – выдохнул отец. И впервые с момента смерти матери на его губах появилась тень улыбки. – Дело в другом. Ты поймешь. И устоять не сможешь. Тебе будет плевать на все. Ты не успокоишься, пока она не станет твоей.

– Да ладно! – отмахнулся я, думая о башне в горах, которую я присмотрел. Конечно, она старая, разрушенная, но ее можно починить. Хотя, можно взять и замок. – Ты просто преувеличиваешь! Я знаю, что вы с мамой просто очень любили друг друга!

– Нет. Мы не любили. Это было что-то большее, чем любовь. Ты знаешь, что с момента похищения до момента, когда я овладел ею, прошло не больше часа. Ты не знаешь, как она ненавидела меня за это, – с горечью произнес отец.

Он говорил вещи, которые у меня в голове не укладывались. Отец, который рассчитывал все наперед, продумывал каждую деталь, никогда не спешил, и вдруг взял силой незнакомку? Просто повинуюсь зверю? Нет, это было выше моего понимания.

– Ты понимаешь, что она становится частью тебя... Нет такой просьбы, которую ты бы не смог выполнить ради нее, – продолжал отец, глядя на портрет мамы.

– Ты хочешь сказать, что ... я перестану жить и буду... я даже не знаю, как правильно сказать? Лакеем на побегушках у какой-то девицы? – передернуло меня.

– Ты утрируешь, сын, – в голосе отца прозвучала строгость.

– Нет! Как раз нет! – развел я руками. —Я не хочу растворяться в какой-то женщине! У меня на эту жизнь другие планы.

– Ты опять все перекрутил! – закатил глаза отец.

– Однако, деду это удалось избежать этого, – спорил я. – Он просто свернул шею своей истинной, вместо того, чтобы тащить ее к себе в постель, как это сделал ты. Чтобы не допустить этой ... одержимости. А тебя родила ему другая женщина много лет спустя. Заметь, даже не истинная!

– Жаль, мы не можем воскресить деда, и спросить, был ли он счастлив, как я? – вздохнул отец.

Я даже думать не хотел о том моменте, когда у меня сорвет крышу от незнакомки.

Поэтому больше с отцом мы никогда не разговаривали на эту тему.

Знамена были спущены. Дворец погрузился в скорбное безмолвие. Вместо кроваво алых стягов с золотом я видел только черный бархат и лилии. Любимые цветы мамы. Я видел ее пустой трон, букет белых лилий. По приказу отца слуги каждый день приносили новый.

Я не мог на него смотреть. Это было невыносимо. Каждый уголок дворца напоминал о потере. Каждое воспоминание тревожило пустоту внутри. Я дошел до того, что был готов отдать все, что у меня есть, лишь бы еще раз услышать ее голос.

Но в то же время я был уверен, что мой отец скоро вернется к государственным делам. Его снова увидят на каменном, грубом троне вырезанном из куска скалы и поблескивающего золотыми самородками.

“Первый камень из пещеры, – говорил отец, проводя рукой по трону. – Чешуя твоих предков скользила по нему еще до того, как первый дракон понял, что может принимать облик человека. Однажды он станет твоим!”.

Я должен был испытать благоговейный трепет. Но не испытывал его.

Трон казался варваром, грубым, неотесанным, первобытным среди изысканного интерьера. Он служил напоминанием о тех временах, когда первобытная мощь дракона заставляла всех преклоняться перед ним и молиться. чтобы его

тень не коснулась ни тебя, ни твоих близких.

Каждый раз, когда я приходил в спальню отца моя память начинала оживать. В другие моменты она молчала.

И вот сейчас она снова заговорила со мной голосами родителей.

– Я не поправлюсь, – вспомнил я голос отца. Тогда он выглядел не так, как сейчас.

В его теле еще были силы. И я был удивлен.

Глава 21. Принц

– Я всё понимаю, но... – произнес он, положив руку на грудь. – Дракон... не может жить без нее... Он тоскует... Он хочет к ней...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.